

© 2018 г.

Л.А. МИКЕШИНА

СОЦИОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

МИКЕШИНА Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного педагогического университета, Москва, Россия (mickeshina.lyudmila@yandex.ru).

Аннотация. Рассматривается необходимость взаимодействия социологии и социальной эпистемологии. Познавательный и исследовательский потенциал современной социологии может быть существенно расширен и углублен за счет обращения к эпистемологическим проблемам: ценностям, предпосылочным формам знания, различным типам коммуникаций, к изучению немарксистских теорий общества, в том числе феноменологии. Обосновывается необходимость и правомерность снижения уровня абстракции субъекта и объекта познания в социологии. Показано, что среди методологических и эпистемологических проблем марксизма по-прежнему остается ряд значимых для социологии и других социально-гуманитарных наук, но не изученных тем: приемы гипостазирования, которые П. Бурдьё обнаружил у Маркса; «историцизм» по К. Попперу и Д.М. Петрушевскому; методологии индивидуализма и коллективизма – концепция С.Г. Кирдиной-Чэндлер. Исследуется необходимое присутствие в социологии ценностей и методов их введения – интерпретации, репрезентации, категоризации и конвенции. Представлен эпистемологический подход к различным типам коммуникаций, коммуникативной рациональности в целом. Обсуждается роль феноменологического учения А. Шюца, недостаточно изученного в России.

Ключевые слова: социология • социальная эпистемология • гипостазирование • историцизм • ценности • интерпретация • репрезентация • коммуникативная рациональность • феноменологическое учение А. Шюца об обществе

DOI: 10.31857/S013216250002153-1

В отечественной методологии социально-гуманитарных наук долгое время господствовало упрощенное представление о теории познания как теории отражения. Базовой считалась предельно абстрактная трансцендентальная гносеология XVII в., обеспечивающая получение истинного знания. Она была фундаментальной для становления и развития рациональности в европейской культуре, но сегодня ей на смену пришло понятие «эпистемология», также греческого происхождения. В европейской философии термин существует с середины XIX в., но нами осваивается сегодня, когда была осознана необходимость и правомерность снизить уровень абстракции субъекта и объекта познания. Это особенно важно для социально-гуманитарного знания. Признана необходимость учитывать, что человек познающий обладает системой ценностей, и не только специализированным, но и повседневным знанием, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. Таким образом, сегодня в эпистемологии реализуется признание возможности и необходимости снижения уровня абстракции субъекта познания. По отношению ко всей науке

разрабатывается научная рациональность в историческом измерении и, в целом, в системе ценностей, на которые не отвлекаются, но принимают во внимание. Это не обращение к психологии, а новый этап развития эпистемологии в ситуации, когда социология обращается к своим основаниям. Можно назвать этот этап метатеоретизированием [Романовский, 2018].

Проблема научной теории не устаревает. Ее понимание и развитие значимы и для естествознания, и для социально-гуманитарных наук, которые, преодолевая требование позитивизма – «единый научный метод для всех наук», разрабатывают свой понятийный аппарат и принципы методологии. Размышляя о трудностях развития теории общества, необходимо учесть или просто помнить, каково современное эпистемологическое понимание природы самой социальной теории и ее становления. Сегодня преодолевается идущее от XVII в. представление о получении теории индуктивным методом обобщения конкретных фактов. Такое представление присутствует в эмпирических науках (возможно не только в силу сложности осмысления фактов, но и в силу устаревшего обучения в школах и даже вузах). Имеется в виду следующее. Большинство гуманитарных, во многом эмпирических по природе наук – такова их специфика – по-разному оценивают свои возможности при построении теории. Не все принимают во внимание, что индуктивный вывод – ведущий в этих областях исследования, *вероятностен* по своей природе. И все более широким кругом специалистов осознается «от века» известная мысль: индукция дает только вероятностное знание. И только полное, не пропустившее ни одного факта индуктивное обобщение дает знание достоверное. Удивительно, но по-прежнему эмпирики, которые часто не могут получить все факты, надеются, что индуктивный вывод приведет к достоверной теории. Это хорошо известно социологам при оценке репрезентативности выборок. Они признают, что возможен противоречащий, даже единственный, факт, разрушающий теоретическое построение (получивший сегодня название «черный лебедь»). Таким образом, индуктивное обобщение дает только эмпирически-вероятностный, но не необходимый (обязательный) теоретический результат.

Сегодня все больше исследователей соглашаются с методологическим положением А. Эйнштейна: «нет прямого логического следования от фактов к теории», в разных вариантах встречающимся в его текстах. Важное требование – необходимость построения модели, которая выполняет роль медиатора (посредника) – часто не учитывается не только в социально-гуманитарном, но и в естественнонаучном познании. Именно по отношению к модели (не к реальному объекту!) выдвигается гипотеза, которая подтверждается/не подтверждается эмпирической проверкой, после чего она может получить/не получить статус новой теории. Эти положения, к сожалению, не всегда учитываются при построении гуманитарных и социальных теорий. Социология здесь не исключение.

В нашей стране ситуация сложна, прежде всего, потому, что совсем недавно социально-гуманитарные науки существовали в своего рода «благоприятных условиях» – *единой* общепризнанной и единственно верной (истинной) парадигме – обязательной всеобщей теории марксизма. Сегодня ситуация принципиально изменилась. Социально-гуманитарные науки открыты «всем ветрам» и принципам построения/обоснования научного знания, они существуют в полной неопределенности не только эпистемологической, но и идеологической [Готфрид, 2009: 189]. Но прежде чем «отодвинуть» марксизм, который основательно изучался в советское время как одна из самых значимых научных теорий, современным исследователям (общественного развития) следует учесть ее сложный – положительный или отрицательный – эпистемологический опыт. Среди методологических и эпистемологических проблем марксизма для социологии остается ряд значимых в полной мере неизученных тем. Так, по-прежнему представляется существенной, но почти незамеченной, проблема правомерности применения собственно эпистемологических приемов – *гипостазирования и реификации*, используемых Марксом и современными учеными. На передний план выходят задачи различения знания о мире за пределами науки и знания об объектах, возникающих внутри самой науки (типа парадигмы), опредмечиваемых

и овеществляемых под влиянием интеллектуальных, технологических и социальных факторов [Микешина, 2010]¹.

Как известно, гипостазирование – прием теоретизирования, который П. Бурдьё обнаружил у Маркса, «заключается в рассмотрении классов на бумаге как реальных классов, в выведении из объективной однородности условий, обусловленностей и, следовательно, диспозиций, которые вытекают из идентичности позиций в социальном пространстве, их существования в качестве единой группы, в качестве класса. ... Классы в марксовом смысле таковы, что их нужно строить с помощью политической работы, которая может быть тем более успешной, чем более она вооружена в действительности хорошо обоснованной теорией и, следовательно, более способна оказать эффект теории...» [Бурдьё, 1994: 190].

Правомерность размышлений Бурдьё о возникновении класса и других социальных феноменов вначале как понятий «на бумаге», т.е. в теории, находит подтверждение не только в прошлом реальном опыте, но и в современных исследованиях статуса и природы таких объектов, как нации, национализм, расизм, прогресс, гражданское общество и ряда других. Однако проблема классов в современном российском обществе, по существу, не исследуется, и непонятно, например, какова природа, судьба и роль *рабочего класса*, существует ли он сегодня и проявит ли себя в политических процессах будущего российского общества?

Марксизм, тесно связанный с критикой философии Гегеля, оставил нам еще одну сложную и нерешенную проблему: существуют ли объективные законы развития общества, такие же как законы природы, что несомненно есть следствие влияния гегелевской системы и одно из проявлений гипостазирования. Если сегодня подвержена критике «методологически плодотворная», но недостаточно обоснованная концепция социально-экономических формаций, то сама идея законоподобного поэтапного развития общества (аналогичная эволюционной теории), не подвергается сомнению и принята в нашем обществе как среди большинства ученых, так и на уровне обычного сознания. Имеется в виду то, что К. Поппер назвал и критически исследовал как *историцизм* [Поппер, 1992]. Касается он историков, социологов, всех нас.

Следует напомнить, что в нашей стране были и другие представления, в частности у историков. Так, десятилетиями не сдавал принципиальных методологических позиций известный ученый-историк проф. МГУ Д.М. Петрушевский (1863—1942), который после 1917 г. лишился права преподавания, рисковал свободой и жизнью за несогласие с марксизмом и теорией общественно-экономических формаций. Он был одним из крупнейших специалистов по эпохе феодализма в Западной Европе, серьезный исследователь природы исторического знания, изучавший работы в этой области западных историков и известных философов. Самостоятельные логико-методологические принципы, которых он придерживался, позволяли ему не следовать безоговорочно за идеями неокантианцев и зарубежных историков, не принимать безоговорочно принципы марксистского учения, в котором он видел присутствие идей гегелевского историцизма [Петрушевский, 1922]. Во введениях к исследованиям 1913 и 1922 г. он обращается к этим проблемам, скептически отмечая, в частности, что они представляют собой выводы «популярной философии, которая охотно занимается теорией прогресса и, не заботясь о фактах, составляет только красивые системы» [Петрушевский, 1922: 31]. Представляется, и сегодня нет полноценного научного обоснования гипотезы существования всемирных законов истории, в обычном и научном познании господствует достаточно произвольный «историцизм».

Почему сегодня нас привлекают эти размышления историка? Потому, что он как ученый, и не гегельянец и не марксист, критически оценивал «теорию прогресса» и целостного восприятия законов исторического и социального развития общества. Вместе с тем он стремился понять, как «появилась картина планомерного

¹ Гипостазирование (греч. *hypostasis* – субстанция, существование) – приписывание существования свойствам, идеальным объектам, образам, понятиям, теориям, фактам, их онтологизация в идеальном и вещественном виде. Реификация – овеществление.

и прогрессивного развития «человечества» как единого целого». Сам он был убежден: «древний мир не есть нечто целое и однообразное, а распадается на ряд отдельных обществ, из которых каждое проходило разные ступени хозяйственного и социального развития» [Петрушевский, 1922: 32]. Очевидно, что убеждения о существовании этих законов предельно общего статуса и характера *гипостазированы/реифицированы* Гегелем, и в этом же статусе представлены в марксизме, но с обращением к конкретному историческому материалу, который не был исследован и подтвержден в полной мере. Таким образом, «отодвинув» как неубедительное сегодня учение Маркса, мы вместе с тем не предложили современных решений многих важных проблем, в том числе имеющих эпистемологический и методологический характер. Остаются нерешенными и принципиально значимые социально-исторические проблемы: существование всемирных объективных (по аналогии с природой) законов общественного развития – прогресса и правомерность создания теории общества на основе идей историцизма.

В этом контексте необходимо вспомнить еще одну теоретически и методологически значимую для социологии проблему, – изучение *индивидуализма и коллективизма, личного и общественного*. Здесь просматривается новая тенденция – новая парадигма, которая предполагает преодоление оппозиции или/или и бесконечного спора между субсидиарными и коммунитарными идеологиями в XX в. Методология индивидуального/коллективного (МИ/К) – важная составляющая социальной эпистемологии, обсуждалась в «понимающей» социологии М. Вебера, в формальной социологии Г. Зиммеля, в работах К. Поппера, Дж. Уоткинса (им введен этот термин), Ф. Хайека, с позиций аналитической философии другими философами и социологами. Напомню, что проблема, в своих глубинных предпосылках имеющая вечный вопрос о соотношении общего и единичного, номинализме/реализме, коллективном/индивидуальном, состоит в следующем: являются ли социальные процессы результатом деятельности *отдельных людей* или *коллективов*, каким образом социальные процессы, развиваясь по определенным законам, реализуются через деятельность включенных в них людей.

В социологии данная проблематика получила название «методологический индивидуализм» – концепция, возникшая в том числе как оппозиция идеям Э. Дюркгейма, позже Т. Парсонса, которые, как представляется, не принимали во внимание особенности индивидов. В политике выражением индивидуализма служит господство либерализма, института свободы как главной ценности, борьба за права человека и противопоставление прав граждан власти государства, а в экономике – оправдание частной собственности и свободной конъюнктуры на рынке. Поппер оценивает позицию Маркса, коллективизм которого тесно связан с историцизмом Гегеля, как лично неоднозначную. В примечаниях к главе 13 (Т. II) он отмечает: «Маркс – несомненно под влиянием платоновско-гегелевской доктрины о превосходстве государства над индивидуумом – развивает свою теорию, согласно которой даже «сознание» индивидуума определяется его социальными условиями. И все же по своей сути Маркс был индивидуалистом: основной его интерес заключался в стремлении помочь страдающим человеческим индивидуумам. Таким образом, коллективизм как таковой определенно не играл важной роли в собственных работах Маркса (за исключением подчеркиваемого им коллективного характера классового сознания...) Однако коллективизм играет большую роль в марксистской практике» [Поппер, 1992: 376]. Сегодня важно не столько критиковать позицию Маркса и ее понимание Поппером, но необходимы новые методологические решения, тесно связанные с проблемой МИ/К. И тем отраднее, что в этом случае отечественная наука имеет значительные успехи.

В методологии, дифференцирующей парадигмы индивидуальное/коллективное, отечественным социологом и экономистом С.Г. Кирдиной-Чэндлер успешно разработана концепция «институциональных матриц», элемент которых – «субсидиарные и коммунитарные идеологии». С.Г. Кирдина показала, как коммунитарная идеология реализуется в определенных социальных отношениях, институтах, нормах поведения,

признающих ценности достижения общего блага выше ценностей личности. В обществе подобного типа на первом месте стоят институты коллективизма, эгалитаризма и порядка, среди других функций формирующие институциональное ядро коммунитарной идеологии [Кирдина, 2000; Кирдина-Чэндлер, 2013]. Вычленение типов общества на основе разграничения институциональных матриц, характеризующихся субсидиарной или коммунитарной идеологиями, несомненно плодотворный подход. Институциональная матрица, поясняет С.Г. Кирдина, это – устойчивая, исторически сформировавшаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической. Очевидно, что для историков, социологов, представителей философской социальной эпистемологии назрела необходимость преодоления концепции «историцизма» – более углубленного исследования природы общества, выявления его исходных, «матричных» структур, латентно определяющих многообразие и направленность процессов, происходящих «на поверхности» социальной жизни.

Однако переход на новый уровень понимания, изучения структуры, форм и способов существования и развития общества требует существенного переосмысления принципов построения и природы социально-гуманитарного знания, самостоятельный научный статус и особенности содержания и развития которого не вызывают сомнений. Как представляется, принципиально значимы сегодня для социологической науки, ее методологии, в частности, такие темы, как эпистемология ценностей и опыт феноменологической социологии, обращение к которым может способствовать новому видению фундаментальных проблем.

Ценности как формы социокультурной обусловленности социального научного познания. Долгие годы идут дискуссии о принятии/непринятии ценностей в научных текстах. Главный аргумент, который выдвигается аналитиками против принятия «ценностей как знания» – это невозможность их определения с позиций критерия «истинно/ложно». Современный понятийный аппарат методологии науки сформирован главным образом на основе формальной логики и гносеологии, отвлекающихся от ценностных аспектов. Отсюда возникла тенденция трактовать и методологию науки как отстраненную от любых ценностей, т.е. исторических, социально-психологических и вообще социокультурных факторов. Однако в современной эпистемологии ситуация изменилась. Ценности и оценки понимаются как *знание*, но иного типа, оно не только об объекте с его параметрами, но и о субъекте, «на другой стороне» – целей и задач субъекта, который, разумеется, прежде всего ориентирован на свойства объекта. Понимание самого научного факта предполагает определенные ценности, в частности, «ценность самой истины», а также такие когнитивные «достоинства», как когерентность, функциональная простота, обоснованность, хорошая подтверждаемость. Они не столько служат успешности теории, сколько определяют отношение к теории, при этом сами ценности могут носить вполне объективный характер. В качестве формы «конкретизации» знания и ценностей субъекта в современной эпистемологии учитываются различные формы *предпосылочного знания (background)* – научной картины мира, парадигмы, стиля научного мышления, методологических и мировоззренческих принципов, а также операции познания, зависящие от субъекта и его ценностей.

Сегодня все больше осознается, что знание, освобожденное от ценностей и предпочтений, – это «удобная» идеализация знания, его упрощение, которое облегчает исследователю создание понятийного аппарата, формулирование категорий и принципов. Однако такая абстракция и идеализация слишком далеки от реального научного знания и познавательной деятельности в социально-гуманитарных науках. Проблема не только в том, чтобы вводить разумные критерии, принципы и ограничения по отношению к ценностям и оценкам, но и в том, чтобы понять, как в контексте ценностной «нагруженности» познания получать относительно истинное, более объемное знание о действительном мире, особенно в случаях «человекоразмерных» (В.С. Степин) объектов.

Итак, сегодня проблема «наука и ценности» конкретизировалась и стала исследоваться по направлениям: роль ценностных факторов в деятельности ученого и в развитии научного познания; формы проявления и присутствия ценностных ориентаций в науке (философско-мировоззренческие и общенаучные методологические принципы; научная картина мира, стиль научного познания, парадигма); ценностное отношение как форма проявления социокультурной обусловленности познания; исторические типы ценностных ориентаций в науке (типы рациональности, идеалы, нормы и образы науки и т.д.) и их смена; этические и эстетические регулятивы научного познания и ряд других [Микешина, 2007].

Плодотворным и разрабатываемым аспектом проблемы стало выяснение специфики «вхождения» ценностного сознания в научное знание и познавательную деятельность через методологические, философско-мировоззренческие предпосылки и основания науки. Достаточно долго исследование теории – одной из главных ценностей научного познания – осуществлялось лишь в абстрактном логико-методологическом ключе. Вопросы о влиянии вненаучных ценностных ориентаций на ее развитие по существу не ставились. Обосновано, что эмпирический критерий оценки теории не является единственным и достаточным. Существуют и функционируют методологические принципы (инвариантности, соответствия, наблюдаемости, фальсифицируемости, простоты и др.), которые участвуют в формировании идеала теории наряду с общекультурными и социальными ценностями. Существенное значение имеет также «подключение» теории к контекстуальному анализу историко-научного и культурно-исторического материала. Обращение к историческому контексту, использование конкретных ситуаций из истории науки (case studies) дали возможность выявить способы и обосновать влияние ценностей на содержание и развитие научного знания. Тем самым снимались претензии на «единственность» формы теоретического отражения объекта, а свободная человеческая деятельность, активность субъекта, система его ценностных ориентаций при таком способе теоретического описания органично включались в «тело» научного знания.

Осознается необходимость перейти на другой уровень рефлексии познания, где главным становится план деятельности субъекта в ее операциональной структуре, в контексте коммуникативных и социокультурных факторов. Этот уровень представлен известными операциями – *репрезентация, категоризация, интерпретация и конвенция*, эпистемологический статус которых, как представляется, все еще не уяснен нами в полной мере. Все четыре операции, каждая по-своему и в разной степени, возникли и сложились как следствие коммуникативного характера познавательной деятельности человека. Имея сложную внутреннюю структуру, указанные операции, наряду с использованием чувственной информации, опираются на знание, опыт, язык и культуру субъекта, и, выполняя конструирующие функции, в той или иной степени выводят познание за пределы собственно объекта, учитывают его существование и функционирование в сфере общества и культуры.

Соответственно в каждой из этих операций явно или неявно присутствуют моменты оценивания и отнесения к ценностям, проявляясь специфически, в зависимости от типа операции. В *репрезентации* ценностный аспект проявляется при выборе, построении или принятии готового посредника – модели, знаковой или материальной системы; при *категоризации* – в ходе определения и выбора свойств и признаков, по которым объект относят к той или иной категории; в ходе *интерпретации* выбираются и оцениваются смыслы и значения для истолкования объекта или процесса; наконец, в *конвенции* происходит выбор целей, условий и оснований соглашения, разных типов научного консенсуса. Во всех этих случаях выбор осуществляется обязательно с ориентацией на какую-либо систему ценностей. В таком случае собственно когнитивные, эпистемологические проблемы предполагают определенное понимание природы ценностей и способов их «вхождения» в знание, в познавательную деятельность.

Из истории становления и развития феноменологической социологии. Очевидно, дело не только в «преодолении» и осмыслении марксизма и его идей, но, что

не менее важно, необходимо активнее обращаться к другим, на иных основаниях разработанным подходам к созданию теории общества. Так, значение феноменологического подхода недостаточно осмыслено для обогащения понятий в эпистемологии, в современном социально-философском контексте и в социологии. Традиционно феноменологическое учение об обществе оценивалось только отрицательно на фоне теории марксизма и, по существу, не было понято и изучено отечественными обществоведами. Сегодня мы имеем труды А. Шюца, – одного из главных теоретиков в этой области, обстоятельное исследование отечественными философами его эпистемологических идей [Шюц, 2004; Смирнова, 2009; Микешина, 2017]. Размышляя о роли феноменологического подхода для социологии, Шюц отмечал, что представители социальных наук первой половины XX в. «не выработали должного отношения к феноменологическому движению», видя в нем «эзотерическую группу, чей язык попросту непонятен для непосвященных».

Это мнение Шюца относится сегодня и к отечественным социологам. Зарубежные ученые не только на феноменологическом основании осуществили фундаментальную критику позитивизма в социологии, но и разработали основные принципы иной социологии. Вслед за основателем современной феноменологии Э. Гуссерлем и введенным им понятием «жизненный мир», Шюц считал, что эмпирические науки относятся к миру как к пред-данному, но «сами они и их инструменты являются элементами этого мира», «поверх всех различий между реализмом и идеализмом». Феноменология показывает, что «наше знание объекта в каждый отдельный момент является ничем иным, как «осадком», кристаллизацией... предыдущих мыслительных процессов, в которой он конструирован. У него есть своя собственная история, и история его конституирования может быть изучена. Для того, чтобы это сделать, необходимо обратиться от готового объекта нашего мышления, каким он нам представляется, к различным формам деятельности нашего разума, в которых данный объект создается шаг за шагом» [Шюц, 2004: 173].

По Шюцу, все науки составляют «тотальность человеческой деятельности» сообщества работающих ученых. При этом «смысловой основой (Sinnfundament) каждой науки является донаучный жизненный мир», единственный и единый для любого из нас; «мир культуры... обладает ограниченным родом объективности», он всегда ориентирован по отношению к некоторой «нулевой точке», а именно – личности. Но и «природа, стало быть, представляет некий концепт, имеющий место исключительно в духовной сфере. Она конституируется в нашем повседневном значимом опыте по мере развития этого опыта в нашем исторически детерминированном бытии» [Шюц, 2004: 189].

Из этого Шюц делает важные выводы, не лежащие на поверхности, относительно природы социальных наук по сравнению с естественными. Эмпирические объекты физического мира в науке подменяют «идеальными объективностями», появляется «гипотеза, лежащая в основании всей математической естественной науки» – универсальная индуктивность, подтверждаемая в повседневном опыте, но «остающаяся скрытой в своей бесконечности». Это «приводит к тому, что мы принимаем метод за истинное бытие», что и стало прототипом научного мышления. Человек, занимающийся наукой, был забыт и «никак не тематизировался». «Следовательно, будет ошибкой, если социальные науки начнут состязаться с естественными за равную степень достоверности. Как только социальные науки делегируют естественным свою объективность как собственный независимый атрибут, они сами впадают в объективизм...» [Шюц, 2004: 192]. Отмечая, что Гуссерль не обращался к социальным наукам, Шюц размышляет, правда, в самом общем виде, о некоторых фундаментальных следствиях «относительно знания структуры социальных наук». Идеализация и формализация выполняют те же функции, но не в форме математизации, а в форме «наполнений» той или иной типологии. Опасность при этом состоит в том, что они могут «рассматриваться не как методы, а как подлинное бытие», причем в случае типов более высокого порядка.

Значимы и размышления Шюца о природе социологической теории, в которых он делает очень важный акцент на обыденном, повседневном знании. «...Теория, нацеленная на объяснение социальной реальности, должна развить особые методологические средства, отличные от естественнонаучных, для того, чтобы достичь согласия с обыденным опытом социального мира... Таким образом, конструкты социальных наук являются... конструктами второго порядка, ... изучение всеобщих принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт, и особенно опыт социального мира, является главной задачей методологии социальных наук» [Шюц, 2004: 61]. Эти идеи Шюца известны, они реализуются в его исследованиях повседневности, однако отечественная эпистемология и методология социально-гуманитарных наук проходят мимо данного существенного требования феноменологии.

Базовые проблемы феноменологии, рассмотрению которых предшествовала критика позитивизма, были представлены социологами Г.В. Осиповым и Л.Г. Иониным во введении к переводу книги «Новые направления в социологической теории» (1978), которая не получила признания. Это итог цикла семинаров в Лондонском университете, обобщенный социологами – феноменологами на основании идей Гуссерля и Шюца и содержащий критику позитивистских подходов. Известно, что для всех форм позитивизма базовыми являются три фундаментальных предпосылки: социальные явления качественно те же, что и природные явления; общеметодологические принципы и методы естественных наук применимы и обязательны в социологическом исследовании; задачи социологии те же, что у естественных наук, – получение общих, эмпирически обоснованных теоретических положений как основы прогнозирования социальных явлений, которые рассматриваются как обладающие теми же характеристиками, что и природные. Достоинства любой социологической концепции оцениваются именно с точки зрения данной парадигмы. Надо отметить, что и сегодня эти положения «стандартной науки» часто принимают и те, кто не считает себя позитивистом. И тем более значим для нас сегодня вывод, что «коренной недостаток позитивистской социологии заключается в ее неспособности понять смысловое строение социального мира, вследствие чего позитивизм и выработал методологию, совершенно неадекватную природе исследуемого объекта» [Новые направления..., 1978: 51–52].

В отличие от позитивизма социальный мир для социологов-феноменологов – «экзистенциальный продукт человеческой деятельности», но он «интерсубъективно конституирован», т.е. создается как мир значений, существующих в форме типических представлений субъектов и обретает независимое существование, как определенную «степень объективной фактичности». «Процесс, посредством которого социальный мир становится доступным исследователю (то есть конституируется), сам должен стать объектом исследования. Отсюда следует, что задачей социологии является изучение процессов конструирования социального мира» [Новые направления..., 1978: 54]. Сегодня и в естественных науках «природа вещей» часто оказывается такой, какой требует парадигма, изменение которой может приводить, в свою очередь, к «научной революции».

Сторонники феноменологического подхода справедливо отмечают, что «социологические объяснения сами являются интерпретациями: они описывают действия, явления, ситуационные факторы взаимодействий как проявления лежащих в их основе структур значений; без учета этих структур они лишаются всякого смысла. Социологические описания, следовательно, не могут считаться независимыми от контекста и поэтому не могут формулироваться согласно логическим правилам дедуктивного вывода...» [Новые направления..., 1978: 78]. Нужен другой тип социологии, «соответствующий самой природе изучаемого ею социального мира», как в феноменологической теории «Социальное конструирование реальности» (1966) П. Бергера и Т. Лукмана. Этот «трактат по социологии знания», как определяют его жанр сами авторы, ученики А. Шюца, – даже устаревая, имеет большое значение не только для социологии в ее феноменологическом варианте, но и для современной эпистемологии. Авторы исходят из того, что «социология знания имеет дело с анализом социального

конструирования реальности». Это один из возможных подходов, который помогает переосмыслить традиционное, «от века» существующее индуктивно-дедуктивное построение как результат следования законам формальной логики.

Коммуникация как объект исследования в эпистемологии и социологии.

А. Шюц, исследуя проблемы социологии с опорой на понятие Э. Гуссерля «жизненный мир» личности, подчеркивал, что «жизненный мир – не мой частный мир, а с самого начала мир *интерсубъективный*, общий для всех нас», и сближал понятия интерсубъективного и социального [Шюц, 2004: 180—194]. За этим стоит фундаментальная проблема коммуникаций и коммуникативного сообщества, к которой обратилась эпистемология в начале XXI в. Изучение интерсубъективности не менее значимо сегодня для социально-гуманитарных наук, чем анализ субъект-объектных отношений. Она стала базовой проблемой конца XX – начала XXI вв. как *коммуникация* в разных формах и сферах, способом перехода «от нормативного разума к коммуникативной рациональности» (А.П. Огурцов). Сегодня продолжается разработка идей и теорий коммуникации, как основного социального процесса, формирующего человеческое бытие, первичный социальный процесс совместного создания, воспроизводства и преобразования социальных миров, качества существования. Не только в социальной эпистемологии, но в социально-гуманитарных науках в целом исследуются символическая природа коммуникации, создание, рождение социальных смыслов в процессе коммуникации, передача-прием сформированных смыслов, динамичность и диалогичность смыслов как «текущих» образований, значимость социолингвистических и семиотических исследований коммуникации.

Проблема коммуникативности исследуется в различных направлениях и аспектах. Во-первых, как передача информации с помощью социальных структур, в первую очередь СМИ, которые собирают, перерабатывают и распространяют информацию. Следствия этого процесса разнообразны – от прямой передачи информации до воздействия на сознание и поведение участника коммуникации. Одно из социальных последствий этого процесса – возникновение «второй реальности», символической, виртуальной, замещающей действительность и выдающей себя за нее. Такого рода коммуникативность оказывает существенное влияние на существование и развитие наук об обществе и культуре. Во-вторых, коммуникативность исследуется как профессиональное общение через такие формы, как сотрудничество, соавторство, ученичество и принадлежность к научной школе.

В эпистемологии и социологии науки разрабатывается идея о коллективном субъекте как носителе познавательного процесса – одного из видов коммуникативной деятельности. Индивидуальный субъект включен в различные структуры познавательной деятельности с их стандартами и нормами, которые интегрируются в нем в некоторую целостность, являющуюся необходимым условием его единства. Межлические коммуникации относятся к «глубинной структуре» познающего субъекта, затрагивают его сущность. Коммуникативный аспект познания, наряду с культурно-историческим, социально-психологическим и лингвистическим аспектами, в полной мере выражает социокультурную природу познания. Коммуникации складываются в совокупность интерсубъективных, межличностных, массовых формальных и неформальных, устных и письменных связей и отношений и предстают как феномен, фиксирующий изменения ценностных ориентаций научных сообществ, смену парадигм, исследовательских программ, в конечном счете отражающих изменения в социально-исторических отношениях и культуре. Особое значение имеют *конвенции*, соглашения, введение или исключение которых представляет собой одну из универсальных процедур познания наряду с репрезентацией и интерпретацией. В социологии науки конвенция предполагает введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания. Это в свою очередь ставит такие проблемы, как объективные и субъективные предпосылки и основания конвенций, их способы введения и исключения в научном познании, их зависимость от традиций, ценностей и культурно-исторических предпосылок.

В целом можно вычлениить следующие социально-эпистемологические типы и функции общения, влияющие на ход научно-познавательной деятельности и ее результат – знание. Это оформление знания в виде определенной объективированной системы – текстов (формальная коммуникация); применение принятого в данном научном сообществе унифицированного научного языка, стандартов и конвенций, формализаций для объективирования знания; передача предпосылочного знания (мировоззренческих, методологических и иных нормативов, принципов и т.д.); передача способа видения, парадигмы, научной традиции, неявного знания, не выраженного в научных текстах и передаваемого только в совместной научно-поисковой деятельности. Следствием общения в познавательной деятельности становится также реализация на логико-методологическом уровне диалогической формы развития знания и применение соответственно таких «коммуникативных форм» познания, как аргументация, обоснование, объяснение, опровержение и тому подобных форм, направленных лично участнику общения. Очевидно, что профессиональные общение, коммуникации существенно обогащают средства и формы, а в целом, возможности познавательной деятельности субъекта научного познания. Важнейшими и очевидными конвенциями в научно-познавательной деятельности являются языки (естественные и искусственные), другие знаковые системы – модели, схемы, таблицы, а также логические правила, эталоны, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом. Они не рассматриваются при этом как самостоятельные сущности, произвольно «члениющие» мир и навязывающие человеку представления о нем, но понимаются как исторически сложившиеся и закрепленные соглашением конструкты, имеющие объективные предпосылки, отражающие социокультурный опыт человека, служащие конструктивно-проективным целям познания и коммуникации в целом.

Наивно-материалистические представления о природе научного познания часто подвергали критике конвенциональность за ее произвол и субъективность. Однако если не сводить познание только к отражательным процедурам и признать коммуникативную природу познавательной деятельности, то многие «механизмы» и результаты познания должны быть переоценены с позиций их социологической и культурно-исторической значимости.

Таким образом, познавательный и исследовательский потенциал современной социологии может быть существенно расширен и углублен за счет обращения к эпистемологическим проблемам – ценностям, предпосылочным формам знания, разным типам коммуникаций, к изучению немарксистских теорий, в том числе феноменологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994.
Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.
Кирдина-Чэндлер С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЕИС, 2000.
Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: ИЭ РАН, 2013.
Микешина Л.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 44—54.
Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 85—94.
Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. М.: Культурная инициатива, 1992.
Романовский Н.В. Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 127—135.
Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
Смирнова Н.М. Новые направления в социологической теории. М., 1978.
Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом М.: РОССПЭН, 2004.

SOCIOLOGY AND EPISTEMOLOGY: THE NEED FOR INTERACTION

MIKESHINA L.A.

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila A. MIKESHINA, Dr. Sci. (Philos.) Prof., the Department of Philosophy of the Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia (mickeshina.lyudmila@yandex.ru).

Abstract. The necessity of interaction between sociology and social epistemology is considered. It is shown that the cognitive and research potential of modern sociology may be significantly expanded and deepened by addressing epistemological problems – values, prerequisite forms of knowledge, various types of communications, as well as the study of non-Marxist theories of society, including phenomenology. The necessity and legitimacy of reducing the level of abstraction of the subject and the object of cognition in sociology are substantiated. It is shown that among methodological and epistemological problems of Marxism there is still a number of topics important for sociology and other social sciences and humanities. These include methods of hypostatizations that Bourdieu found in Marx; “historicism,” according to K. Popper and D.M. Petrushevsky; methodology of individualism and collectivism – concept of S.G. Kirdina-Chandler. The necessary presence in sociology of values and methods of their introduction: interpretation, representation, categorization, and convention, – is investigated. Epistemological approach to various types of communications, communicative rationality in general is presented. The role of A. Schutz’s phenomenological teaching, insufficiently studied in Russia, is discussed.

Keywords: sociology, social epistemology, hypostasis, historicism, values, interpretation, representation, communicative rationality, phenomenological teaching.

REFERENCES

- Bourdieu P. (1994) *Nachala. Choses Dites*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Gottfried P. (2009) *The Strange Death of Marxism*. Moscow: IRISEN, Mysl'. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2000) *Institutional Matrices and Development of Russia*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2013) *To Rethink the Principle of Methodological Individualism*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S. G. (2014) *Institutional Matrices and Development of Russia*. Moscow- Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2010) Epistemological justification of hypostasis and reification. *Voprosy Filosofii* [Question of Philosophy]. No. 12: 44—54. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2017) Phenomenology and enrichment of concepts in epistemology. *Voprosy Filosofii* [Question of Philosophy]. No. 2: 85—94. (In Russ.)
- Popper K. (1992) *Open society and its enemies*. Vol. II. Moscow: Kul'turnaya initsiativa. (In Russ.)
- Popper K. (1993) *Poverty of Historicism*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. (2018) Metatheorizing in sociology: discourse and forecast. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 127—135. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Selected Works: the World Shining with Sense*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Smirnova N.M. (1978) *New Directions in Sociological Theory*. Moscow. (In Russ.)
- Smirnova N.M. (2009) *Social Phenomenology in the Study of Modern Society*. Moscow: Canon+, ROOI Rehabilitation (In Russ.)

Received: 17.05.18. Accepted: 28.05.18.